

Ши Шу

К ВОПРОСУ О НЕПОЛНОЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКЕ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/107.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. III. С. 246-248. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

тает свободу впервые в своей жизни, т.к. начинает бегать не от Тигра, а вместе с ним: 'I felt I was at liberty for the first time in my life:' [Carter 1996: 166].

Красавица одевает механическую служанку в свои собственные одежды и возвращает отцу для исполнения роли дочери (to perform the part of my father's daughter). Возвращая красавицу чудовищу, Картер снова опровергает определение женщины как пассивной жертвы, определение, которое приписывает чувственные желания только мужчине, а женщину ассоциирует лишь с инертным объектом такого желания. В сказке Картер мужчина изображается так же крепко пойманным в ловушку патриархального сценария, как и женщина.

Женщина приравнивается к мужчине по чувственным желаниям и аппетиту, отмечая нянькины предрассудки по поводу угрожающей животной сущности мужчины: 'Nursery fears made flesh and sinew; earliest and most archaic of fears, fear of devourment. The beast and his carnivorous bed of bone and I, white, shaking, raw, approaching him as if offering, in myself, the key to a peaceable kingdom in which his appetite need not be my extinction' [Carter 1996 : 168].

Окончание 'Невесты Тигра' противоречит идее утверждения патриархальной власти в сюжете сказки о красавице и чудовище, т.к. оно предусматривает освобождение от сформировавшихся представлений о мужчине и женщине путем выявления их одинаковой животной сущности: 'He dragged himself closer and closer to me, until I felt the harsh velvet of his head against my hand, then a tongue, abrasive as sandpaper. 'He will lick the skin off me!': My earrings turned back to water and trickled down my shoulders; I shrugged the drops off my beautiful fur' [Carter 1996: 169].

В 'Невесте Тигра' так же, как и в 'Женитьбе мистера Лайона' и других сказках сборника, у героини появляются черты, близкие набоковской Лолите, а именно двойственная природа нимфетки, которую Липовецкий назвал смесью 'нежной, мечтательной детскости и какой-то жутковатой вульгарности, свойственной курносой смазливости журнальных картинок' [Липовецкий 2003: 81].

Таким образом, Картер в сборнике сказок 'Кровавая комната' вписывает в старую форму новый набор установок. 'Невеста тигра' предлагает вариант сделки; героиня продается лицу, предложившему наивысшую цену в брачном договоре, но она тоже оставляет всякую хитрость и ложь, и раскрывает суть его злобной хищнической чувственности. Увидев чудовище без маски, она не разрешает ему снова закрыться, хотя здесь у нее здесь есть выбор.

Позволить чудовищу снова спрятать свой облик означало бы признать отсутствие ее животного 'я'.

Красавица и чудовище в 'Невесте Тигра' смоделированы в соответствии с представлениями Картер о людях в 'Женщине по Маркизу де Саду' (The Sadeian Woman, 1979), где человеческие существа взаимодействуют индивидуально как объект и субъект, а не как агрессор и жертва. В 'Невесте Тигра' чудовище не поглощает красавицу как жертву, она же не поглощает чудовище. Они действуют на равных, разрушая социальные условия, которые предписывают вариант - поглотить или быть поглощенным - как единственную модель человеческих отношений. Бегать вместе с тиграми означает самоутверждение, но только не ценой простого уничтожения (или пожирания) другого. Картер явно идентифицирует животное в человеке, которое существует вне устоявшихся представлений о животной сущности. Во всех сказках 'Кровавой комнаты' существуют модели, представляющие животный потенциал, разделяемый поровну между мужчиной и женщиной.

Список использованной литературы

1. **Carter, Angela.** Burning Your Boats: Collected Short Stories, London, Vintage, 1996.
2. **Carter, Angela.** The Sadeian Woman: An Exercise in Cultural History, London, Virago, 1979.
3. **Day, Aidan.** Angela Carter: The Rational Glass. Manchester University Press, 1988.
4. **Haffenden, John.** Interview with Angela Carter, in Novelists in Interview, London and New York, Methuen, 1985.
5. **Makinen, Merja.** Angela Carter's The Bloody Chamber and the Decolonization of Feminine Sexuality', Feminist Review, 42, Autumn, 1992.
6. **Липовецкий М. Н., Лейдерман Н. Л.** Современная русская литература 1950-1990-е годы: Академия, 2003.

К ВОПРОСУ О НЕПОЛНОЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКЕ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ши Шу

Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли КНР

Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым было установлено, что полные безэквивалентные слова составляют 6-7% от общего количества активно употребляемых русских слов. Что касается неполных эквивалентных слов, «то с большей долей вероятности можно утверждать: каждое второе русское слово отличается своим лексическим фоном от ближайшего иноязычного соответствия». (Е. М. Верещагиным, В. Г. Костомаровы 1990: 51) Здесь за критерий отсчета взяты западноевропейские языки, которые всё-таки ближе отстоят от русского языка. Если же по отношению к китайскому языку, то русские неполные эквивалентные слова могут составлять и больший процент от общего количества русских слов, так как народы России и Китая являются все-таки далеко отстоящими друг от друга как по истокам культуры, так и по пути развития.

В словарном составе любого языка выделяется пласт слов, не имеющих точных соответствий в других языках. Однако специфика лексического состава национального языка не исчерпывается одним лишь наличием в нем безэквивалентных слов. Опыт контрастивной лингвистики показывает, что «для разных языков характерна неполноэквивалентность фонов понятийно эквивалентных слов. Лексические эквиваленты двух языков, совпадающие в понятийном плане, часто расходятся в плане их существования и функционирования в каждом языке». (У Гохуа 2003:142) Значит, неполноэквивалентные слова отличаются от своих иноязычных соответствий не только лексическим фоном, но и функционированием и существованием. Для них типичен случай частичного наложения и частичного расхождения. Мы приведем следующие примеры.

1. Расхождение в мотивированности слова. Специфические черты в названии предметов и явлений, расхождение в мотивированности соответствующих слов и выражений создают большую трудность для китайцев в подыскании формы выражения русских и китайских эквивалентов. Так, в китайском языке 手(shou, в значении *рука*), употребляющееся как самостоятельное имя, и как словообразовательная морфема, принимает активное участие в образовании наименований с общим обозначением «производитель действия». При переводе таких наименований на русский язык нужно подобрать целый ряд синонимичных суффиксов, соответствующих по смыслу данному иероглифу, и в каждом случае надо твердо запомнить, что с чем сочетается: пулеметчик - 机枪手(ji qiang shou), стрелок - 射手(she shou), убийца - 凶手(xiong shou), знаток - 能手(neng shou) и т.д.

Расхождение в мотивировке названия предметов и явлений особенно характерно для устойчивых сочетаний. Например, разный образ, лежащий в основе соответствующих русских и китайских устойчивых выражений:

Выражение в русском языке: Одним выстрелом убить двух **зайцев**, а в китайском: Одним выстрелом - двух **орлов**. Русские говорят: Ищет **рукавицы**, а рукавицы за поясом. Такое значение в китайском языке выражается: Ищет **осла** на **осле**.

Образная сторона слова и ассоциативные признаки связи зависят во многом от фантазии и склада ума народа. Вторичная номинация исходит в большинстве случаев из национальной специфики образа. Русские говорят: *трусливый как заяц, глуп как осел, рабочая лошадь, лошадиное здоровье*, а в китайском языке употребляются другие образы: *трусливая как мышь, глуп как свинья, рабочая корова, здоровая как корова*.

Здесь нам видно, что если мы используем эквивалентами и переведем буквально при переводе таких выражений, то значение окажется непонятным.

2. Расхождение в парадигматических связях слова. Следует подчеркнуть еще один момент: во многих случаях для одного и того же русского наименования в китайском языке может быть несколько вариантов перевода, и наоборот.

Например, в системе терминов родства в русском языке *дядя* соответствует в китайском 伯父(bo fu: старший брат отца), 叔父(shu fu: младший брат отца), 舅父(jiu fu: брат матери), 姑父(gu fu: муж сестры отца), 姨父(yi fu: муж сестры матери). (fu- в значении по-русски *отец*) И *тетя* соответствует 姑母(gu mu: сестра отца), 姨母(yi mu: сестра матери), 舅母(jiu mu: жена брата матери), 伯母(bo mu: жена старшего брата отца), 婶母(shen mu: жена младшего брата отца) (mu - это значит *мать*). При переводе с русского языка на китайский следует уточнить, подобрать подходящее название.

Расхождение парадигматического характера трудно уловимо для учащихся, особенно если это идеографические группы слов, то есть разряд слов, объединенных в одну группы по общему семантическому признаку. Так разнообразен перевод на русский язык одного и того же китайского иероглифа 级(ji): рабочий четвертого *разряда*, инженер первой *степени*, драгоценные камни первого *класса*, ветер в шесть *баллов*, переговоры на *уровне* послов, делегация в *ранге* министра и т.д.

3. Межязыковыми лжесинонимами. Имена, обозначающие в разных языках одни и те же или близкие явления действительности, часто оказываются нетождественными, заметно расходящимися по своим концептуальным значениям. Так, русское слово *рука* обозначает всю верхнюю конечность человека - от плеча до кончиков пальцев. А в китайском языке русское слово *рука* распределено на два слова 手(shou) - используется для обозначения кисти руки и 臂(bi) - для остальной части руки. Правда, в русском языке есть еще отдельное слово *кисть* для части руки ниже запястья, но это слово применяется редко, в специальных случаях: нормально русские говорят *подать руку, пожать руку, взять за руку, мыть руки* и т.д., а не *подать кисть, пожать кисть* и пр. Русское слово *пальцы* в современном языке относится и к пальцам рук, и к пальцам ног; а в китайском языке 指(zhi) - для пальца на руке, 趾(zhi) - для пальца на ноге.

И существуют случаи, когда слова из одного языка, не являющиеся синонимами в данном языке, становятся синонимичными со словами другого языка благодаря неточному, неправильному, искаженному переводу. Например, В китайском языке различаются 表(biao: ручные часы) и 钟(zhong: стенные, настольные), а в русском языке все эти предметы называются одним словом - *часы*. В русском языке ярко различаются *рояль* и *пианино*, а в китайском языке только одно название - 钢琴(gang qin). В русском языке *пена* и *штраф* - это разные названия, а в китайском оба называются 罚款(fa kuan). В русском языке «группа учеников одного и того же года или проходящая один и тот же предмет» называется *классом*, а в высшей школе и в специальных учебных заведениях называется *курсом*, а в китайском языке и то и другой называется 年级(nian ji). А если бы русские слова *гармоника* и *аккордеон* перевели на китайский язык без различия как 手风琴(shou feng

qin), джем и варенье - как 果酱(guo jiang), кекс и торт - как 蛋糕(dan gao), хоромы и изба - как 木房(mu fang), провинция и губерния - как 省(sheng) и т.п., то получилось бы, что для носителя китайского языка каждая из этих групп слов становилась бы синонимами, которые обозначали бы один и тот же предмет, одну и ту же вещь. Такие «синонимы» Чжань Дэхуа в своей книге «Лексическая безэквивалентность: сопоставительное исследование на материалах китайского и русского языков» называет *межъязыковыми лжесинонимами* (Чжан Дэхуа 2003:195). Они, на самом деле, являются неполноэквивалентными словами.

Неполноэквивалентная лексика отражает специфику национальной культуры народа, отмечают все самое существенное в истории народа. Изучение неполноэквивалентной лексики не только необходимо и полезно для владения иностранным языком, но и очень важно для межкультурной коммуникации.

Список использованной литературы

1. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. Язык и культура. М., 1990.
2. Чжан Дэхуа. Лексическая безэквивалентность: сопоставительное исследование на материалах китайского и русского языков. Гонконг, 2003.
3. У Гохуа. Контрастивный анализ национально-культурной семантики русских и китайских номинативных единиц. Пекин, 2003.

ТИПОЛОГИЯ АНГЛИЙСКИХ МЕДИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Шмелева Т. С.

Удмуртский государственный университет

Ряд исследователей справедливо относят медиальные конструкции к разряду асимметричных, так как активной форме конструкции соответствует неактивное значение. Конструкции среднего (или медиального) залога, характеризуются сдвигом пресуппозиционного значения, ставящего в центр высказывания второй партиципиант. Здесь внимание фиксируется не на том факте, что он подвергся воздействию со стороны агенса, а на том, каковы его собственные способности принимать участие в действии [Долинина 1978: 166]. В качестве субъекта в данных конструкциях выступает либо неодушевленный предмет, либо абстрактное понятие. Например: *The potatoes are cooking; The book reads quickly; Frozen meat cuts well; The velvet feels smooth; Oil and water do not combine; His eyes shut* и т.д.

В ходе анализа фактического материала было выявлено несколько типов медиальных конструкций:

1) Конструкции типа *The book reads quickly; The clothes washed easily*. Данные конструкции обладают особым оценочно-модальным значением, фиксирующем наличие у объекта определенных свойств, способствующих или препятствующих успешному протеканию процесса. Такое значение называется «значением потенциальности» [Малова 1997: 13]. Поэтому данные конструкции характеризуются наличием в них обстоятельства образа действия различного характера, а также использованием модальных глаголов: *This grease lubricates well. Damp matches won't strike; Bad news circulates quickly; She has a skin that burns easily*.

В основе всех этих примеров лежит признак характеристики процесса как такового: либо его оценки, либо обобщения его осуществимости, поэтому Дж. Лайонз называет этот тип «ориентированным на процесс», в противоположность типу, ориентированному на деятеля как в примере *The clothes were washed* [Лайонз 1978: 413].

2) Конструкции типа *The potatoes are cooking; My shoes are mending; The cake is baking; The sausages are grilling in the oven*. В данных конструкциях реализуется значение «процессности». Синтаксическим условием реализации пресуппозиционного значения «процессности» является употребление глагола в продолженном времени. Семантическим условием реализации данного пресуппозиционного значения в ряде случаев является синкретизм двух семантических функций - объекта и инструмента: *My shoes are mending* [Малова 1997: 14]. Как предполагает Н.С. Малова, возможность таких построений, как *The cake is baking; The potatoes are cooking*, где подлежащее не является названием непосредственного производителя действия, обозначенного глаголом в «длительной» форме объясняется, по-видимому, довольно поздним смешением причастных и герундиальных конструкций, где в виде исключения, содержание герундия одержало решительных верх над содержанием причастия. Указанные выше конструкции означают, что процессное состояние имеет место, и в этом состоянии находится предмет, обозначенный существительным-подлежащим. Из лексического значения подлежащего вытекает так называемое «несоответствие»: неодушевленный предмет не может активно совершать действий, обозначенных глаголом - сказуемым. В таком случае действие должно совершить «лицо».

3) Ряд глаголов чувственного восприятия могут образовывать медиальные конструкции с пресуппозиционным значением, результирующей атрибутивности (Малова 1997: 14). Под результирующей атрибутивностью понимается наличие у объекта качеств, которые становятся очевидными в результате действия, обозначенного глаголом, которое осуществляется одушевленным лицом. *The velvet feels smooth; The room smelled musty like old cheese; Rabbits feel soft and cuddly*.

4) конструкции типа *Water boils; Wood burns; The bomb burst in the middle of a group of soldiers*. Данные структуры отражают ситуации, возможность осуществления которых в принципе не требуют вмешательства извне, т.е. наличие еще одного партиципанта-инициатора, поскольку имя - подлежащее обладает способно-